

Библиография

- Алексеева Т.И., Левшин Б.В.* Музеи Российской Академии наук: история и современность // Альманах — 1999. Музеи Российской Академии наук. М., 2000. С. 3–46.
- Бакмейстер И.Ф.* Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской Академии наук. СПб., 1779.
- Итс Р.Ф.* Первые китайские коллекции в России // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 1. СПб., 1993. С. 102–113.
- Коллманн Н.С.* Соединенные чеством. Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001.
- Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994.
- Марасинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. (по материалам переписки). М., 1999.
- Муравьева О.С.* Как воспитывали русского дворянина. СПб., 2001.
- Руденко С.И.* Сибирская коллекция Петра I. М.; Л., 1962.
- Станюкович Т.В.* Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л., 1953.
- Черная Л.А.* «Честь»: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI–XVII вв. // Древнерусская литература. Изображение общества. М., 1991. С. 56–84.
- Hatch E.* Theories of Social Honor // American Anthropologist. 1989. Vol. 91. P. 341–353.

П. А. Матвеева

В. В. Радлов и МАЭ: некоторые аспекты финансирования музейной деятельности

К началу 1890-х годов скудость помощи со стороны государства ощущали все академические учреждения, но музеи страдали от этого в большей степени, так как государственное финансирование не соответствовало их росту и развитию. В этот период годовой бюджет МАЭ составлял сумму в 1500 руб., из которых 750 руб. шло на содержание хранителя, а другие 750 руб. — на сохранение и пополнение музейных собраний. В начале 1891 г. специальным Высочайшим повелением музею было ассигновано ежегодное пособие в 400 руб. для закупки коллекций (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 45. Л. 2), а через пять лет было выделено 750 руб. для второго хранителя. Уже к этому времени музей заключал в себе 22 615 предметов, однако средств катастрофически не хватало. Именно в этот критический для музея момент на пост директора вступает академик В.В. Радлов (избран на эту должность 15 марта 1894 г.), с именем которого связана эпоха коренных преобразований.

Увеличение штатов. До 1898 г. Музей располагал общим бюджетом в 2650 руб. На заседании 14 января 1898 г. Историко-филологическое отделение обсуждало подробный доклад В.В. Радлова о необходимости увеличения бюджета, и для ускорения проведения ходатайства решено было ограничиться крайне скромной суммой — 8150 руб., которая все же давала возможность улучшить положение хранителей, получавших до этого времени скудное жа-

лование. В проекте предлагались две штатные должности: старшего этнографа (2800 руб. в год), младшего этнографа (1500 руб. в год), — а также выделялись 1500 руб. на наем лиц для каталогизирования. Насколько скромной оставалась сумма нового бюджета видно из того, что на покупку коллекций и на командировки была определена сумма в 7550 руб. 4 февраля 1903 г. Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета расходы на содержание штата музея возросли до 2250 руб. в год. На эту сумму была учреждена еще одна должность младшего этнографа с жалованьем в 1500 руб., а сумма, отпускаемая на покупку новых коллекций и на командировки с этнографическими целями, была увеличена с 750 руб. до 2250 руб. Таким образом, благодаря стараниям директора бюджет Музея к 1903 г. достиг цифры 11 900 руб. (и оставался таким вплоть до июня 1912 г., когда по закону об установлении нового штата Императорской Академии наук музей получил сумму в 34 260 руб.). «Эта сумма превышает в три раза штаты 1903 года и в 22 раза тот бюджет, который Музей имел вначале <...> Что касается пожертвованных коллекций, то трудно учесть их денежную стоимость, во всяком случае стоимость их по меньшей мере может быть оценена в сумму 200 000 рублей» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 45. Л. 4 об.–5). Ввиду крайнего несоответствия бюджетных сумм музея и его увеличивавшихся с каждым годом потребностей В.В. Радлов задумался о создании специального Попечительного Совета, который должен был заботиться о привлечении частных средств в Музей. Об успешности этого проекта говорит то, что за первые четыре года существования он принес Музею до 136 000 руб.

Рост коллекций и дальнейшее развитие финансирования. В 1906 г. в составе Комиссии директоров академических музеев В.В. Радлов подготовил «Проект положения о попечительных советах при музеях Императорской Академии наук». Создание такого совета (он функционировал с 1909 по 1917 гг.) позволило привлечь к благоустройству музея благотворителей. Следует отметить, что приток коллекций постоянно возрастал (в течение первых четырех лет с момента постройки здания Кунсткамеры коллекции увеличились на 35 000 предметов), и в связи с этим учрежденный в 1909 г. Попечительный совет решил помочь с возведением надстройки третьего этажа здания. Средства на это (70 000 руб.) были пожертвованы инженером Ф.И. Шотлендером. Еще 2 мая 1909 г. Ф.Ю. Шотлендер писал Его Императорскому высочеству Августейшему Президенту Императорской Академии наук Великому князю Константину Константиновичу Романову: «...Убедившись в необходимости расширить в скорейшем времени помещение Музея Антропологии и Этнографии <...> принимаю на себя обязательство не позже 10-го июня с.г. внести в депозит Попечительного Совета Музея семьдесят тысяч (70 000) рублей, дабы дать возможность Попечительному Совету немедленно приступить к работам по постройке» (СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 3 (1909–1916). Ед. хр. 35. Л. 68). 1 июня 1909 г. назначенная Правлением Императорской Академии наук Строительная Комиссия по перестройке здания Этнографического Музея, с одной

стороны, и потомственный почетный гражданин Андрей Козьмич Седов — с другой, заключили договор в том, что потомственный почетный гражданин Седов обязуется выполнить из своих материалов и своими рабочими силами надстройку третьего этажа и фотографического павильона над существующим зданием музея, выполнить перестройку центрального отопления и некоторые перестройки существующего здания, а также отремонтировать его внутри и снаружи «за условную оптовую сумму в пятьдесят три тысячи шестьсот (53 600) рублей» [СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 3 (1901–1914). Ед. хр. 31. Л. 6]. Был заключен и еще один договор (тоже от 1 июня 1909 г.) с Чугунно-литейным и механическим заводом Ф. Сан-Галли в Петербурге, по которому последний обязуется осуществить устройство парового отопления низкого давления, вытяжной вентиляции, желобов для прокладки железных нагревательных труб, а также установить железные ворота. Все работы на общую сумму 13 342 руб. 50 коп. завод Ф. Сан-Галли исполнил своими силами и из своих материалов лучшего качества, оптом за двенадцать тысяч рублей (12 000 руб.) (Там же. Л. 2). О «лице» нового музея заботились всестороннее — незамедлительно были изготовлены и навешены цинковые буквы для вывески, срок доставки — 30 сентября 1909 г. Смета по данному заказу составила 321 руб. 20 коп. (Там же. Л. 28). Впоследствии на заседании Попечительного Совета от 30 октября 1910 г. было доложено об окончании деятельности Строительной Комиссии, а окончательный денежный отчет был представлен в январе 1911 г. «по сведениям счетов с Волжско-Камским банком по процентам, выросшим на хранившийся в этом учреждении капитал в 70 тысяч руб., пожертвованных Ф.Ю. Шотлендером» [СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 3 (1909–1916). Ед. хр. 35. Л. 9]. В итоговом «Отчете по расходованию суммы на надстройку 3 этажа над Музеем по Этнографии и Антропологии Императорской Академии наук» фигурирует сумма в 70 798 руб. [СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 3 (1901–1914). Ед. хр. 31. Л. 13].

14 января 1914 г. состоялось заседание Комиссии по переустройству Библиотечного здания, на котором Радлов доложил, что им был выработан проект оборудования шкафами нового помещения музея. Согласно этому проекту, он счел необходимым остановиться на двух типах простых по конструкции, но удовлетворяющих всем требованиям музейного выставления коллекций железных шкафов и на одном типе витрин с зеркальными стеклами, в которых предполагалось выставить этнографические, археологические и антропологические коллекции. Для Петровской галереи решено было установить другой тип деревянных шкафов, гармонирующий с уже имеющейся мебелью петровского времени [СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 3 (1901–1914). Ед. хр. 31. Л. 17]. Подробный подсчет шкафов и витрин в связи с размерами помещений и коллекций показал, что для Антропологического, Археологического и Этнографического отделений необходимо 270 шкафов и 64 витрины; для Петровского отдела — приблизительно 15 шкафов и 8 витрин. Для составления приблизительной сметы по обмеллированию помещений В.В. Радлов обратился с запросом в несколько иностранных и русских фирм. Вот что получилось:

«Железные шкафы (270) и витрины (64):
По ценам Ар. Коппель — 344 648 руб.
По ценам Kuhnseherf et Sohne — 454 620 руб.
По ценам Eggers — 294 318 руб.» (СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 3 (1901–1914).
Ед. хр. 31. Л. 18).

В результате при окончательном подсчете стоимости, а также учитывая возможность упрощения некоторой части шкафов, было решено выделить сумму исходя из средней стоимости — 260 000 руб. Прибавив к этой сумме 212 000 руб. на перестройку здания (по смете архитектора), 28 000 руб. на оборудование Петровской галереи, получалась сумма в 500 000 руб. Именно эта сумма требовалась на полное переоборудование здания.

Музей преобразался на глазах, хотя, по мнению его руководителя, по объему своих коллекций еще не мог «сравниваться с первоклассными Музеями Западной Европы и Северной Америки, однако имеет и теперь уже некоторые преимущества перед многими из них. Таким образом <...> нынешний Этнографический Музей, без всяких затруднений, сам собою вырастет в Музей первоклассный, действительно соответствующий достоинству и значению России в среде первостепенных государств» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 34. Л. 9–9 об., 10 об.–12 об.).

Финансирование экспедиционной деятельности. Одновременно с вступлением Радлова на пост директора изменились и способы приобретения нового материала, недаром Л.Я. Штернберг сказал по этому поводу: «Собирание коллекций составляет основную функцию всякого музея. Правильная организация этого дела должна стоять на первом плане» [Штернберг 1912: 457]. Со второй половины 90-х годов система пассивного ожидания новых поступлений сменяется деятельной инициативой — начинается целый ряд командировок и экспедиций. До 1898 г. Музей антропологии и этнографии получал от государства на комплектование собраний смехотворную сумму — 500 руб. (для сравнения Берлинский музей ежегодно имел в своем распоряжении на приобретение этнографических коллекций 30 000 марок, или 8000 руб.) [Басаргина 2008: 296]. Большая часть вновь поступавших в Музей коллекций приобреталась на средства благотворителей, а основной задачей В.В. Радлова стала организация доставки этих собраний из разных частей света. Главное внимание при этом способе собирания обращалось на то, чтобы приобретаемая коллекция представляла собой «цельное научное собранное и описанное собрание, добытое из специальной экспедиции или от ученых путешественников» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 45. Л. 11). Благодаря энергичной деятельности Радлова удалось договориться с руководством Таможни, Почтового ведомства, Железных дорог, Добровольного флота о регулярной доставке коллекций в Петербург, была разработана система оплаты, единые тарифы. Все вопросы доставки коллекций, льготных тарифов на транспортировку, беспрошльного пропуска отныне решались при личном активном участии Радлова. До 1889 г. за весь период существования Музея накопилось 19 103 незарегистрирован-

ных предмета, а к 1913 г. количество зарегистрированных музейных экспонатов достигло цифры в 127 820, не считая нескольких тысяч вновь поступивших предметов, еще не зарегистрированных. Таким образом, количество предметов с 1889 по 1913 гг. увеличилось в шесть раз. И наконец, в Музей была передана из Эрмитажа Галерея Императора Петра Великого в количестве 3125 предметов (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 45. Л. 8, 9).

Помимо экспедиций в целях привлечения широкого круга лиц к собиранию этнографического материала при Музее были организованы курсы по этнографии, также отдельные лица инструктировались для сбора предметов в различных районах. Благодаря всему этому Музей приобрел ряд сотрудников на местах, которые планомерно обогащали музейные собрания (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 45. Л. 10). Были предприняты даже попытки организации экспедиций на паритетных с частными лицами и иностранными музеями началах [Басаргина 2008: 297, 301–303].

Одними из самых значительных — по размаху и количеству привезенных уникальных предметов — стали экспедиции в Центральную Азию. После сенсационного выступления Радлова о находках в Китайском Туркестане на Международном конгрессе востоковедов в Риме в 1899 г. была создана Международная ассоциация для изучения Центральной и Восточной Азии, а уже в 1903 г. — Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, председателем которого стал сам В.В. Радлов. Отношение властей ко вновь созданному комитету было достаточно благожелательным, в 1904 г. Николай II велел отпустить 12 000 руб. на «производство» археологических экспедиций в Восточном Туркестане, но уже в следующем году финансирование было приостановлено. Тем временем Комитет изыскивал средства лишь на небольшие экспедиции, однако значительная их часть была предпринята по инициативе музея, и многие командированные лица получали инструкции непосредственно в МАЭ. И наконец, в целях улучшения методов собирания были установлены регулярные обмены с иностранными музеями, особенно тесные отношения были с музеями Буэнос-Айреса, **American Museum of Natural History в Нью-Йорке**, Гамбургским, Берлинским и Лейпцигским музеями (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 45. Л. 11).

Источники

СПбФ АРАН. Ф. 142 (Музей по антропологии и этнографии).

СПбФ АРАН. Ф. 177 (В.В. Радлов).

Библиография

Басаргина Е.Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков. М., 2008.

Соболева Е.С. Российские железные дороги как создатели Кунсткамеры (конец XIX — начало XX в.) (в печати).

Штернберг Л.Я. Музей антропологии и этнографии имени императора Петра Великого // Живая старина. 1911. С. 453–472.